

Я. Б. КРУПАТКИН

ДВЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНОЛОГИИ

Живой интерес к исторической фонетике всегда был традиционным для отечественной науки. Однако в последние десятилетия изучение звуковых изменений стало у нас отсталой областью. Вот почему в дискуссии о структурализме представляется уместным остановиться на двух первостепенных теоретических вопросах: проблеме «синхрония — диахрония» и вопросе о причинах звуковых изменений.

*

Ф. де Соссюр не был первым, кто выступил за четкое разграничение описательного и исторического изучения языка. Еще за 45 лет до появления «Курса общей лингвистики» Соссюра И. А. Бодуэн де Куртене видел отличия «законов и условий жизни звуков в состоянии языка в один данный момент (статика звуков)» от «законов и условий развития звуков во времени (динамика звуков)»¹. Развивая эти мысли, Н. В. Крушевский также писал о возможностях рассмотрения «системы в порядке сосуществования или в порядке последовательности»². Особенностью точки зрения Соссюра было то, что противопоставление описательного и исторического изучения языка, по его мнению, «совершенно абсолютно и не терпит компромисса»³: он полагал, что изучение замкнутой в себе системы языка, которое, по его мнению, является центральной задачей лингвистики, возможно лишь в плане синхроническом; диахроническая же точка зрения на язык разрушает систему, превращает ее в собрание разрозненных фактов. Эта сосюрская антиномия была полностью принята структуралистами Женевской школы⁴, тогда как создатели Пражского структурализма с самого начала видели ее ошибочность. Уже в своем манифесте, с которым они выступили в 1928 г. на I Международном лингвистическом конгрессе в Гааге, Пражские структуралисты, признавая важным разграничение между синхронией и диахронией, указывали на недопустимость разделения двух методов непреодолимыми преградами и на необходимость признания системного характера диахронических явлений. Ни одна часть синхронной системы не может измениться безотносительно к другой. Диахроническое изучение не только не исключает понятия системы и функций, но, напротив, без учета этих понятий является неполным. С другой стороны, и синхроническое описание не может целиком исключить понятия эволюции⁵.

Хотя это новое понимание диахронии и ее взаимоотношений с синхронией получило признание и явилось основой для многих исторических

¹ И. А. Бодуэн де Куртене, Некоторые общие замечания о языковедении и языке, «Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX веков» (сост. В. А. Звегинцев), М., 1956, стр. 233.

² Н. В. Крушевский, Очерк науки о языке, «Хрестоматия...», стр. 247.

³ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 90.

⁴ См., например, Ш. Балли, Общая лингвистика и вопросы французского языка, М., 1955, стр. 32—33.

⁵ «Тезисы Пражского лингвистического кружка», «Хрестоматия...», стр. 427—428.

исследований, однако и сегодня проблема в целом не утратила своей актуальности. И дело здесь не только в том, что некоторые историки языка все еще противопоставляют структурную и историческую лингвистику, а иные видные дескриптивисты в Америке даже утверждают, что преимущество их метода состоит в полной изоляции от исторического метода¹. Несслабевающий интерес к проблеме «синхрония — диахрония», как показала недавняя дискуссия о соотношении синхронного анализа и исторического исследования языка², объясняется прежде всего потребностями языковедческой практики в ее дальнейшей разработке и уточнении. Трудность заключается в том, что понятие синхронии — научная абстракция, такая же, как понятие фонемы или системы фонем, хотя и фонема, и система фонем, и синхронный разрез реально существуют в языке и осознаются говорящими. Надо учитывать также, что взаимоотношения между синхронией и диахронией носят двусторонний характер; и если место синхронного анализа в историческом исследовании может считаться более или менее выясненным³, то место диахронических фактов в описательном исследовании остается не вполне ясным.

В некоторых докладах и выступлениях на упомянутой дискуссии были выдвинуты возражения против сосюрровского разграничения синхронии и диахронии на том основании, что синхроническое описание дает статическое и плоскостное изображение системы. Такая позиция представляется нам неправильной, поскольку она по сути дела бесплодна. Ведь то, что во всякой синхронии присутствуют элементы диахронии, подчеркивается самими структуралистами. Поэтому было бы ошибкой, писал Р. Якобсон почти 30 лет назад, рассматривать статику и синхронию в качестве синонимов. Статический разрез — лишь научный прием, но не реальность⁴. Плоскость синхронии Б. Тринка сравнивает с поверхностью сферы, горизонт которой отступает, по мере того как наш взор удаляется от точки во времени, принятой за основу в нашем рассмотрении. Поэтому лингвистическую непрерывность во времени нельзя рассечь на отдельные сравнимые отрезки и выбранная нами линия не является абсолютной синхронией, включающей, например, синхронные различия в речи отдельных поколений, «функциональные диалекты» общественных классов и т. д.⁵

Это обстоятельство не мешает, однако, фонологам изучать синхронно живые языки и использовать синхронные срезы при анализе языковой эволюции. Известно, что ни один исследовательский прием сам по себе не дает возможности охватить всю многообразную действительность. Важно, однако, помнить, что рассмотрение системы «двухмерной» побуждает к выяснению закономерностей языка как средства общения, чего пока нельзя сказать о выдвигавшемся в ходе дискуссии понятии «трехмерной» системы. Показательно, что ни один из оппонентов синхронного анализа даже не попытался отклонить какого-либо конкретного результата, полученного благодаря последовательному разграничению синхронии и диахронии.

¹ См. R. A. F o w k e s [рец. на кн.:] A. Martinet, *Economie des changements phonétiques*, «Word», vol. 12, № 2, 1956, стр. 280—281.

² См. об этом ВЯ, 1957, № 4, стр. 124—129.

³ Б. Т р и н к а пишет об этом так: «Структуралист должен всегда стремиться к синхронизации данных изменений с другими особенностями языка, так как об их функции в системе и в структуре языка можно судить лишь на основании сосуществующих фактов» (B. T r n k a, *From Germanic to English. A chapter from historical English phonology*, «Recueil linguistique de Bratislava», vol. I, 1948, стр. 146).

⁴ R. J a k o b s o n, *Prinzipien der historischen Phonologie*, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 4, 1931, стр. 264; см. также изложение высказываний по данному вопросу Р. Якобсона, И. Вахка и Б. Гавранка в отчетах К. Горалка «Otázky strukturální jazykovědy na slavistické konferenci» (журн. «Slovo a slovesnost», ročn. XVIII, číslo 2, 1957), К. Х а у з е н б л а с а (К. Hausenblas) и М. Х е л ц л а (M. Helcl) «Zpráva o konferenci věnované vědeckému studiu soudobých jazyků» (там же).

⁵ B. T r n k a, *Obecné otázky strukturální jazykovědy*, «Slovo a slovesnost», ročn. IX, Praha, 1943, стр. 58.

Известные преимущества синхронного анализа, помогающего изучать языковые явления во всей их комплексной сложности, вовсе не означают, что диахрония должна занять в лингвистической методологии второстепенное место по отношению к синхронии, как думают некоторые авторы¹. Вряд ли прав и А. А. Реформатский, полностью принимающий тезис Соссюра о том, что «...синхронический аспект важнее диахронического, так как для говорящей массы только он — подлинная и единственная реальность»². По-видимому, нельзя понять до конца не только законы развития, но и сущность языка, изучая его вне времени: сущность языка — не только в том, что он является системой знаков, но также и в том, что эта система, не переставая служить целям общения, способна постоянно изменяться, причем для лингвиста-теоретика обе стороны одинаково важны. В этой связи стоит приглядеться к некоторым результатам языковедческой практики. Так, если на примере современной исторической фонологии видно, какими уместными оказываются закономерности синхронии в историческом исследовании, между тем как фактам диахроническим надлежало место в синхронном анализе найти нелегко, — то не говорит ли это в пользу большей универсальности исторического подхода, которая в том и проявляется, что «синхрония исчерпывается собой и ни в чем не нуждается», «а история языка отнюдь не исчерпывается диахронией»?³ Конечно, эту «универсальность» мы понимаем отлично от младограмматиков. Стоит вспомнить, что Бодуэн выступал против проповедуемого младограмматиками универсально-исторического подхода к изучению фактов языка и в то же время «истинно научным»⁴ считал историческое направление. В такой позиции нет никакого противоречия.

*

У И. А. Бодуэна де Куртене находим и указание, что последовательные синхронные срезы должны стать первым этапом диахронного исследования⁵. Много лет спустя эта мысль появляется у пражских структуралистов, но уже обогащенная соссюровским функциональным пониманием системы в языке. «Если мы рассматриваем со структурной точки зрения диахронические изменения, которые предстают перед нами при сравнении двух исторических стадий того же языка, мы должны... излагать функциональное изменение составных частей старшей стадии телеологически, в связи со структурными потребностями младшей стадии»⁶. Что же это за потребности, каковы могут быть цели развития? Вопреки Соссюру, усматривавшему в языке «сложное равновесие взаимно обуславливающих себя элементов»⁷, и в соответствии с признанием динамического характера синхронии, структуралисты полагают, что это равновесие никогда не бывает полным; отсюда возможная цель — восстановить нарушенное равновесие, улучшать систему функционально противопоставленных элементов.

В нашей литературе теории структуралистов о движущих силах звуковой эволюции еще по существу не рассматривались. Сказалось длительное господство аракетевского режима, установленного в языкознании

¹ См., например, В. Malmberg, *Système et méthode. Trois études de linguistique générale*, «Årsbok 1945. Year-book of the New society of letters at Lund», 1945, стр. 22—32.

² Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 95.

³ А. А. Реформатский, Принципы синхронного описания языка, «Тезисы докладов на открытом расширенном заседании Ученого совета [Ин-та языкознания АН СССР], посвященном дискуссии о соотношении синхронного анализа и исторического исследования языка», М., 1957, стр. 12.

⁴ И. А. Бодуэн де Куртене, указ. соч., стр. 223.

⁵ Там же, стр. 234—235.

⁶ В. Trnka, *Hláskoslovné zákony v strukturálním jazykozpytu*, «Časopis pro moderní filologii», ročn. XXIII, číslo 4, 1937, стр. 385—386.

⁷ Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 120.

сторонниками «нового учения» о языке, неправильное отношение к достижениям науки за рубежом. В то время как в решении конкретных проблем истории языка некоторые наши лингвисты успешно применяют структурные методы¹, в работах теоретиков эти методы бездоказательно отрицаются. Так, П. С. Кузнецов в одном из своих недавних выступлений по сути перечеркивает всю историческую фонологию, когда пишет, что «фонологические отношения, имеющиеся в языке, представляют собой достигнутый результат, но не движущую силу изменений»². И далее: «В основе фонетических изменений лежат определенные чисто фонетические причины.., а не тенденции к восстановлению равновесия в фонологической системе или тенденция вообще преобразования этой системы в определенном направлении (как это неоднократно утверждал Р. Якобсон)»³. Но закономерности исторической фонологии объективны, они подкреплены множеством фактов, число и достоверность которых возрастают.

Еще задолго до структуралистов исследователи были вынуждены признать, что звуковая эволюция управляется не одними чисто фонетическими причинами; указывалось, например, на стремление избежать омономии как на причину ряда звуковых переходов, не укладывавшихся в традиционные звуковые законы⁴; при изучении германского передвижения согласных отмечался такой фактор, как стремление сохранить различие между рядами согласных звуков⁵. Структуралисты лишь показали закономерность подобных явлений (ср. соответственно «функция» и «структура» в терминологии А. Мартине), и в этом их заслуга. Недавно чешский англист И. Вахек на конкретных примерах из истории английского и чешского языков очень убедительно показал, каким образом факторы структурные могут взаимодействовать с факторами чисто фонетического, физиологического, а также грамматического и лексического порядка⁶. Что же касается телеологического объяснения звуковой эволюции, то оно возникло в противовес сословному пониманию лингвистических изменений как случайных ударов, разнородных с точки зрения системы, и первоначально речь шла лишь о том, что «лингвистические изменения часто имеют своим объектом систему, ее упрочение, перестройку и т. д.»⁷. (разрядка наша. — Я. К.). В дальнейшем делались попытки объяснить таким образом всю эволюцию⁸. Однако практика языкознания не подтвердила подобного взгляда, и в годы второй мировой войны и после нее от телеологической трактовки отказались сами структуралисты⁹, в том числе и один из ее авторов Р. Якобсон¹⁰, на которого П. С. Кузнецов ссылается.

Но если развитие языка в целом нельзя объяснить стремлением к одной определенной цели, это все же не означает отсутствия в нем факторов структурного порядка. Историческая фонология обнаруживает их дей-

¹ См., например, А. И. Смирницкий, Вопросы фонологии в истории английского языка, «Вестник МГУ», 1946, № 2; М. И. Стеблин-Каменский, История скандинавских языков, М.—Л., 1953; его же, Исландское передвижение согласных, «Скандинавский сборник», II, Таллин, 1957; И. М. Троицкий. Очерки из истории латинского языка, М.—Л., 1953, и др. работы.

² См. П. С. Кузнецов, [реп. на кн.:] F. Liewehr, Slawische Sprachwissenschaft in Einzeldarstellungen, ВЯ, 1957, № 2, стр. 109.

³ Там же.

⁴ См., например: Th. Frings, Germania romana, Halle, 1932, стр. 210.

⁵ W. Wilmanns, Deutsche Grammatik, I Abt., 3 Aufl., Strassburg, 1911, стр. 265.

⁶ J. Vachek, On the interplay of quantitative and qualitative aspects in phonemic development, «Zeitschr. für Anglistik und Amerikanistik», 5 Jg., Hf. 1, 1957.

⁷ «Тезисы Пражского лингвистического кружка», стр. 428.

⁸ См. N. Trubetzkoy, La phonologie actuelle, «Journal de psychologie normale et pathologique», XXX-e année, № 1—4, Paris, 1933, стр. 245; R. Jakobson, Prinzipien der historischen Phonologie, стр. 265.

⁹ См., например, A. Martinet, Economie des changements phonétiques. Traité de phonologie diachronique, Berne, 1955, стр. 97.

¹⁰ См. об этом в указанном выше отчете К. Горалка о славянской конференции.

стве в истории каждого языка, вместе с тем последовательный учет их уже не раз помогал в объяснении явлений, казавшихся загадочными¹. Если мы согласны с тем положением, что фонемы языка образуют систему, противопоставляющиеся элементы которой способны участвовать в смысло-различении слов и форм; если, далее, изменения в этих системах не могут совершаться безотносительно к основной функции языка, то разве не естественно, что всякие изменения, угрожающие самостоятельному существованию двух противопоставленных фонем и одновременно равновесию («integrity», по терминологии Мартине) системы, вызывают противодействие. Но тенденция к равновесию в свою очередь наталкивается на препятствия физиологического и акустического порядка (см. ниже), так что восстановление равновесия далеко не всегда следует сразу за его нарушением. Само «равновесие» понимается теперь намного конкретней, чем в эпоху зарождения исторической фонологии. Устойчивой, по Мартине, будет такая система, в которой неизбежные артикуляторные отклонения не способны нарушить границы целостности между фонемами. Таким образом, пражская школа, отказавшись от первоначального телеологического подхода, считает, что «цель» на каждом историческом этапе определяется конкретными условиями развития² с учетом не только структурных потребностей рассматриваемой фонологической системы, но и нужд практически всех аспектов и всех подгрупп языка³.

Существенным недостатком телеологической трактовки звуковых изменений (кажется, еще не отмечавшимся критикой) была неясность в отношении источников нарушения равновесия системы. Правда, говорилось, что «восстанавливая равновесие в одном пункте системы, мутация может при этом нарушить равновесие в других пунктах...»⁴, что равновесие может быть нарушено иноязычным влиянием⁵; но так как эти факторы в принципе не являются обязательными, то нарушения по сути принимались от противного: раз есть развитие к равновесию, значит ему предшествовало нарушение. Устранить этот недостаток во многом помогают работы А. Мартине, где впервые в фонологической литературе было обращено внимание на постоянный конфликт между выразительными потребностями, предполагающими стремление к симметричной, уравновешенной системе фонем, и асимметрией органов речи, благодаря которой выразительные потребности никогда не могут быть реализованы полностью. Этот конфликт и является, по Мартине, главной движущей силой фонетической эволюции (хотя не исключаются и другие источники нарушения равновесия — цепочки мутаций, иноязычные и идиодialeктные влия-

¹ Из области английского языка мы могли бы назвать следующие работы: J. V a s c h e k, Prof. Karl Luick and the problems of historical phonology, «Casopis pro moderní filologii», ročn. XIX, číslo 3—4, 1933; ег о ж е, Foném *h/x* ve vývoji angličtiny, «Sborník prací filologické fakulty brněnské university», ročn. I, Řady jazykovědné (A), číslo 1, Brno, 1952; ег о ж е, On the phonetic and phonemic problems of the Southern English WH-sounds, «Zeitschr. für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», 8 Jg., Hf. 3—4, 1954; B. T r n k a, On the phonological development of spirants in English, «The proceedings of the Second International congress of phonetic sciences», Cambridge, 1936; ег о ж е, Fonologická poznámka k posunutí dlouhých samohlásek v pozdní střední angličtině, «Casopis pro moderní filologii», ročn. XXIX, číslo 2, Praha, 1945—1946; ег о ж е, From Germanic to English; А. И. С м и р н и ц к и й, Вопросы фонологии в истории английского языка, «Вестник МГУ», 1946, № 2; H. P e n z l, A phonemic change in early old English, «Language», vol. 20, № 2, 1944; ег о ж е, The phonemic split of Germanic *k* in old English, «Language», vol. 23, № 1, 1947; M. J o o s, The medieval sibilants, «Language», vol. 28, № 2 (pt. 1), 1952; Я. Б. К р у п а т к и н, К вопросу о стяжении германских *ai*, *au*, ВЯ, 1957, № 4, стр. 83—85.

² См. изложение доклада Р. Якобсона на славистической конференции в указанном отчете К. Горалка (стр. 100).

³ J. V a s c h e k, On the interplay of quantitative and qualitative aspects..., стр. 20—21.

⁴ R. J a k o b s o n, Prinzipien der historischen Phonologie, стр. 265.

⁵ B. T r n k a, Iláskoslovné zákony v strukturálním jazykozpytu, стр. 385.

ния и др.); при этом факторам структурного порядка оказывают противодействие особенности физиологического строения речевого аппарата человека. Видимо, это является проявлением более общей тенденции сведения к минимуму психической и физической деятельности человека (так называемый принцип «наименьшего усилия»)¹.

В работах пражских фонологов нас не может не привлечь важная особенность: концепции единой причины звуковой эволюции, господствовавшей на протяжении всего XIX в. (например, «лености» у Г. Курциуса, распространению ошибочного произношения отдельных личностей у Э. Зиверса и т. п.) в наше время противопоставляется концепция многообразных и перекрещивающихся факторов². Такой подход надо признать плодотворным, диалектическим, и поэтому непонятна критика Р. А. Будагова взглядов женевской школы, во многом сходных с рассматриваемыми. Не нужно быть структуралистом, чтобы ответить на вопросы: «Если история любого языка определяется универсальными для всех языков „потребностями“, то почему разные языки развиваются по-разному? Почему в одном и том же языке действуют взаимно исключаящие друг друга „потребности“?»³. Достаточно вспомнить, что это понимание языковой эволюции как результата борьбы различных факторов структуралисты взяли у Бодуэна де Куртене, который в числе таких факторов называл «привычку», «стремление к удобству», «бессознательное забвение», «обобщение», «абстракцию»⁴. Бодуэн довольно подробно раскрывает содержание этих сил, и при этом становится ясным, что стоит сбросить с них одеяние психологизма, как перед нами предстанут многие из «тенденций», «потребностей» и пр., знакомые по работам современных структуралистов.

По мнению Р. А. Будагова, развитие языка не может определяться, например, «потребностью в экономии речевых усилий», поскольку оно обусловлено постепенным совершенствованием языка в связи с ростом и совершенствованием самого мышления, в связи с постоянно расширяющимися и усложняющимися запросами нашей мысли. Надо, однако, признать, что сказанное относится главным образом к лексике и синтаксису; в меньшей степени совершенствование такого рода можно проследить на развитии морфологического строя и в еще меньшей — на фонетической эволюции. Между тем в развитии любой сферы языка мы найдем стремление к сокращенным формам (эллипсы, опускание звуков и пр.), которому, конечно, противостоит обратная тенденция к дифференциации форм, обусловленная, в частности, потребностями общения. Вслед за Бодуэном проблема эта разрабатывалась Л. В. Щербой⁵, Е. Д. Поливановым⁶, З. Штибером⁷ и другими, она находит свое объяснение в современной тео-

¹ См. развитие этих идей в работах: A. Martinet, *La phonologie*, «Le français moderne», 6-е année, № 1, 1938; его же, *Rôle de la corrélation dans la phonologie diachronique*, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 8, 1939; его же, *Function, structure, and sound change*, «Word», vol. 8, № 1, 1952; его же, *Economie des changements phonétiques*, chap. IV.

² См. об этом N. van Wijk, *L'étude diachronique des phénomènes phonologiques et extra-phonologiques*, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 8, 1939, стр. 303. Многообразие тенденций развития отмечалось у нас Б. А. Серебрянниковым (см. «Дискуссия о внутренних законах развития языка в Ученом совете Института языкознания АН СССР», ВЯ, 1952, № 3, стр. 141).

³ Р. А. Будагов, *Из истории языкознания (Соссюр и соссюрианство)*, М., 1954, стр. 30—31.

⁴ И. А. Бодуэн де Куртене, указ. соч., стр. 225—226.

⁵ См. Л. В. Щерба, *О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании*, «Хрестоматия...», стр. 257.

⁶ См. об этом Вяч. В. Иванов, *Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова*, ВЯ, 1957, № 3, стр. 71—72.

⁷ Z. Stieber, *Uwagi o przyczynach zmian fonologicznych*, «Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności», t. XLVII, № 6, 1946.

рии информации¹. Ссылка на ленинскую критику махистов² — досадное недоразумение, ибо критику мысли В. И. Лениным энергетика Оствальда и проповедь махистами более «экономного» мышления без материи³ не имеют никакого отношения к рассматриваемому вопросу. Приложение оствальдовских «теорий» к языку можно найти у О. Есперсена, но его взглядов не принимают ни женевские, ни пражские лингвисты⁴.

*

Нет ничего удивительного в том, что в ходе дискуссии на первом плане оказались вопросы фонетики: здесь применение структурных методов явилось пока особенно плодотворным. Возрождая прерванную историко-фонетическую традицию отечественной науки, не надо забывать, что именно пражскими структуралистами были развиты многие идеи И. А. Бодуэна де Куртэнэ, Н. В. Крушевского, Л. В. Щербы, Е. Д. Поливанова, что сама «пражская» фонология своим появлением и развитием обязана прежде всего ученикам Бодуэна — Н. Трубецкому и Р. Якобсону⁵. В рамках настоящей статьи мы не имели в виду дать исчерпывающий обзор затронутых вопросов. Стремясь определить вклад ученых этого направления, мы сознательно избегали еще не решенных вопросов и будем считать свою задачу выполненной, если удалось прибавить несколько доводов в пользу того мнения, что нельзя отбрасывать все созданное структуралистами.

¹ См. об этом: О. С. А х м а н о в а, О психоллингвистике, [М.], 1957, стр. 45—48, 60 и др.

² См. Р. А. Б у д а г о в, указ. соч., стр. 31; его же, Вступительная статья и примечания к кн. Ш. Балли «Общая лингвистика и вопросы французского языка», стр. 19, 413.

³ В. И. Л е н и н, Соч., 4-е изд., т. 14, стр. 257—260.

⁴ См. В. Т р у б е ц к о, [рец. на кн.:] O. Jespersen, Efficiency in linguistic change, «Casopis pro moderní filologii», ročn. XXVII, číslo 3, 1941, стр. 284—285.

⁵ См. об этом V. M a t h e s i u s, Deset let Pražského lingvistického kroužku, «Slovo a slovesnost», ročn. II, číslo 3, 1936, стр. 141.